

ОБРАЗ КУРИЛ И АЙНОВ В ЖУРНАЛЕ СОТНИКА ИВАНА ЧЁРНОГО (1766–1769 гг.)

© 2024

В. С. Мурзин¹

В публикации представлен историко-имагологический анализ исторического источника — «Журнал, или записка, учиненная казацким сотником Иваном Чёрным, бывшему на Курильских островах, даже до 19-го острова, путешествию и усмотренным на оных примечаниях в разстоянии тех островов и живущих на оных народах и о прочем» русского землепроходца и исследователя Курильских островов Ивана Чёрного (?–1771). 22 мая 1766 г. Чёрный получил инструкцию Большерецкой канцелярии по обследованию Курильских островов. Кроме этого поручалось вернуть айнов, которые сбежали от уплаты ясака на Средние и Южные Курилы и привести в российское подданство айнов Урупа, Итурупа и Кунашира. Экспедиция продлилась в общей сложности около четырёх лет. Текст «Журнала или записки...» датируется по времени прибытия И. Чёрного в Большерецк, т.е. не ранее 25 сентября 1769 г. и основан на записях, который вёл автор во время экспедиции 1766–1769 гг. Журнал представляет собой небольшой по объёму текст, который состоит из географического описания ландшафта Курил и коренного населения — айнов. Чёрный не делит свой журнал на какие-либо параграфы, но его записи имеют чёткую структуру: разбиты на описания девятнадцати Курильских островов, начиная с третьего острова Анциферова и заканчивая девятнадцатым островом — Итурупом. При цитировании первоисточника нами было использовано издание [Русские экспедиции..., 1989], которое основывается на первой публикации «Журнала или записки...» в работе А. С. Полонского [Полонский, 1871]. В данном исследовании с помощью «Журнала или записки...» предпринимается попытка осветить механизмы восприятия И. Чёрного в процессе конструирования образа этногеографического ландшафта Курил и местного населения.

Ключевые слова: Курильские острова, «сошлые курильцы», «мохнатые курильцы», айны, Итуруп, ясак, Иван Чёрный

Для цитирования: Мурзин В.С. Образ Курил и айнов в журнале сотника Ивана Чёрного (1766–1769 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 173–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-173-180

IMAGE OF THE KURIL AND AINU IN THE JOURNAL OF SOTNIK IVAN CHERNY (1766–1769)

Vitalii S. Murzin

This article presents a historical and imagological analysis of a historical source named “Journal, or a Note, Created by the Cossack Sotnik Ivan Cherny, Who Had Been to the Kuril Islands, Even Including the 19-th Island,

¹ Мурзин Виталий Сергеевич, аспирант Луганского государственного педагогического университета, Луганск; vitmurz1n@yandex.ru

Vitalii S. Murzin, postgraduate student of Lugansk State Pedagogical University, Lugansk; vitmurz1n@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-2974-8853

Dedicated to the Trip and the Notes on the Location of Those Islands, and Peoples Living There, and Other Things” by Ivan Cherny (?–1771), a Russian explorer of the Kuril Islands. On May 22, 1766, Cherny received instructions from the Bolsheretsky Chancellery to survey the Kuril Islands, in addition, he was instructed to return the Ainu people who had escaped from paying yasak to the Middle and Southern Kuril Islands and bring the Ainu Urup, Iturup and Kunashir to Russian citizenship. The expedition lasted a total of about four years. The text of “A Journal, or a Note...” dates from the time of I. Cherny’s arrival in Bolsheretsk, i.e. no earlier than September 25, 1769 and is based on the records kept by the author during the expedition of 1766–1769. The journal is a small text in volume, which consists of a geographical description of the landscape of the Kuril Islands and the indigenous population — the Ainu. Cherny does not divide his journal into any paragraphs, but his entries have a clear structure: it is divided into descriptions of nineteen Kuril Islands, starting with the third island of Antsiferov and ending with the nineteenth island — Iturup. When quoting the original source, we used the publication [Russian Expeditions..., 1989], which is based on the first publication of “A Journal, or a Note...” in the work of A. S. Polonsky [Polonsky, 1871]. In this study, with the help of “A Journal, or a Note...” an attempt is made to highlight the mechanisms of perception by Ivan Cherny in the process of constructing the image of the ethno-geographical landscape of the Kuriles and the local population.

Keywords: Kuril Islands, “soshlye (escaped) kurilians”, “mokhnatye (rugged) kurilians”, Ainu, Iturup, yasak, Ivan Cherny

For citation: Murzin V. S. Image of the Kuril and Ainu in the Journal of Sotnik Ivan Cherny (1766–1769). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 173–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-173-180

Продвижение России на Дальний Восток в XVIII в. было обусловлено как экономическими, так и политическими причинами. Освоение территорий в зоне Тихоокеанской России имело определенную специфику. С точки зрения экономики Курильские острова были богаты ценной валютой — мехом каланов (калан — морская выдра, или морской бобр. — *В.М.*). Поэтому сборщикам ясака предписывалось брать только мехами. Огромные расстояния не позволяли оперативно и качественно снабжать регион продовольствием. Учитывая эти обстоятельства, нужно было наладить взаимоотношения с аборигенным населением, с помощью которого планировалось решить проблему продовольственной безопасности Камчатки. В политическом аспекте перед Россией открывался северный путь в азиатские страны, что способствовало ее росту как континентальной державы, а также новые торговые пункты и развитие торговых отношений с местным населением и соседними государствами. Исследуя историю Курильских островов, мы должны понимать, что большинство населения Курил составляли айны, поэтому, даже если речь заходит о соперничестве России и Японии на этих землях, мы не вправе выводить из сферы своего внимания коренное население островов. К сожалению, проблема восприятия русскими землепроходцами местного населения — айнов зачастую оставалась без должного внимания исследователей. Потому тема данной работы является актуальной.

Материалы экспедиции Ивана Чёрного впервые были изучены еще в дореволюционной историографии — членом Императорского Русского географического общества А. С. Полонским, опубликовавшим «Журнал, или записка, учиненная казацким сотником Иваном Черным, бывшему на Курильских островах, даже до 19-го острова, путешествию и усмотренным на оных примечаниях в разстоянии тех островов и живущих на оных народах и о прочем» (далее — «Журнал или записка...») и давшим первый научный комментарий источника [Полонский, 1871, с. 405–440]. Советские историки в лице А. И. Алексева, Д. М. Лебедева и Э. Я. Файнберг ограничились упоминанием экспедиции И. Чёрного как одного из событий в освоении Курил и установлении русско-японских отношений [Алексеев, 1970, с. 119–120; Лебедев, 1957, с. 175–178; Файнберг, 1960,

с. 35–36]. Современные исследователи (В. Н. Елизарьев, В. В. Щепкин, А. М. Соколов) рассматривали экспедицию Чёрного в контексте треугольника «Россия–Япония–айны», а также с точки зрения этнографии (комплектование материалов курильских айнов в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого) [Елизарьев, 2007, с. 212–217; Щепкин, 2022, с. 66–67; Соколов, 2022, с. 43–51]. Учитывая сказанное, в данной статье предпринята попытка анализа журнала И. Чёрного в контексте формирования образа края в процессе расширения территории Российской империи на Дальний Восток. Этим обусловлена актуальность исследования.

К началу 1760-х годов заметно возрос интерес русского купечества к морскому промыслу на Алеутах, а затем и к островам, лежавшим к югу от Камчатки. Но в связи с многочисленными конфликтами, возникавшими между русскими и местным населением, с 1743 г. были введены ограничения на свободное посещение края — необходимое разрешение следовало брать в Петербурге [Русские экспедиции..., 1984, с. 278–279]. Но без информации о составе местного населения, его отношении к русским, вооружении, приведении обложению ясаком, а также степени влияния Японии в крае выдача подобных письменных свидетельств не представлялась возможной [Елизарьев, 2007, с. 212].

Отметим, что знания о Курилах в России к тому времени ограничивались скудной информацией о независимости от Японии 21 острова гряды. Эти данные были получены сибирским губернатором Ф. И. Соймоновым (1692–1780) от живших в Иркутске японцев, вследствие чего в феврале 1761 г. поручившим командиру Анадырского, Охотского и Камчатского острогов Ф. Х. Пленистеру (1713–1778/1779) организовать разведку Курильских островов [Лебедев, 1957, с. 175; Алексеев, 1970, с. 119].

Когда Пленистер в 1764 г. прибыл на Камчатку, тоён (староста или вождь у коренных народов Сибири и Дальнего Востока. — *В.М.*) мыса Лопатка Яков Бутин (?–1765) согласился «привести в подданство жителей Курильских островов», за что и получил в подчинение все известные в России Курильские острова, а его наследники были назначены тоёнами на 5-й (Онекотан) и 7-й (Шиащкотан) острова [Полонский, 1871, с. 408]. Правда, не будучи знаком с особенностями и обычаями местного населения, а тем более — айнов Южных Курил, Бутин решил тут же вернуться на Камчатку, где вскоре умер, не выполнив поручения. Как следствие, российские власти на Камчатке были вынуждены организовать новую экспедицию на Курилы.

В середине 60-х годов XVIII в. с предложением отправиться на дальние острова с целью возвращения «сошлых» (айны, переселившиеся с о-ов Шумшу и Парамушир на средние Курилы для промыслов или чтобы уйти от уплаты ясака. — *В.М.*) и «для уговора мохнатых в подданство» выступил парамуширский тойон Никита Чикин-Новограбленный (?–1767) [Файнберг, 1960, с. 35]. С ним отправились сотник Иван Чёрный (?–1771) и тойон о. Шумшу Петр Чупров [Полонский, 1871, с. 409]. 22 мая 1766 г. И. Чёрный получил из Большерецкой канцелярии инструкцию по обследованию Курил, из семи пунктов которой четыре касались установления отношений с айнами. Согласно им российская сторона должна была мирно вернуть «сошлых» и «обнадежить» их прощением вины. В отношении «мохнатых» — айнов южных Курил — указание российских властей было однозначным: «привести в подданство». Кроме того, экспедиции следовало «разведать секретно — ведут ли с кем торговлю и не состоят ли где в подданстве и платят ли подати; какое у них строение, обряды и обычаи, а в доме убранство и чистота, какое носят платье и вещи и оружие имеют ли, чем довольствуются в пропитании, какую веру содержат, есть ли у них начальники и в каком они у них послушании; особенно ж есть ли у них огненное и другое оружие и не бывают ли у них японцы, в каком месте, судами и в многолюдстве ли и чем торгуются, японские вещи, разные их платья, что принадлежит до куриозности, выменивать на данные русские и китайские товар» [Полонский, 1871, с. 410–412]. Во время посещения о. Симушир Н. Чикин умер, во главе экспедиции встал

Чёрный, который всю полученную информацию, а также собственные впечатления изложил в журнале [Полонский, 1871, с. 413].

Формирование образа края в восприятии Ивана Чёрного начиналось с характеристики пространства — того, что землепроходец видел первым и где находился на протяжении всей своей миссии. Примечательно, что И. Чёрный опустил описание о-ов Шумшу и Пармушира, так как они были освоены ещё в начале XVIII ст., и перешёл к описанию третьего острова, специфические особенности которого — первозданная природа, окраинное, как ему казалось, по отношению к другим островам гряды расположение, отсутствие постоянного населения вследствие вулканической деятельности (остров является надводной частью вулкана Анциферова. — *В.М.*) — настолько впечатлили сотника, что он охарактеризовал увиденное как суровый, малопригодный для жизни, но выгодный экономический край. Так, он отметил: «3-й остров по-курильски Ширинки (вдавшийся в Охотское море), разстоянием со 2-го острова чрез пролив, например, верст 20 (7 миль от подножия пика Фус), перегреб бывает в тихий день и в течение воды чрез 4 часа. На острове и около его водятся морские звери — сивуч, нерпа, а бобров не имеется; лисица ж красная заносима бывает с других островов в зимнее время льдами и то малое число, а на том острове не плодится; из птиц — ара, кроме которой других не имеется; коренья, по камчатскому и курильскому названию: сарана, упява, усут, кутаж, — все оныя для пищи отважныя (полезныя); когда же приходят курильцы на остров для промысла зверей морских и птицы и приготовления себе на пищу кормов, то жительство имеют с великою опасностью, ибо кругом острова всегда сыплются с утесов немалые каменья, которыми не только птиц, но и из людей убивает до смерти, зачем и жителей на том острове не находится» [Русские экспедиции..., 1989, с. 132–133].

Применительно к 4–11 островам гряды описание Ивана Чёрного носит однообразный характер: «Остров стоячаго годнаго никакого леса, кроме кедроваго и ольховаго малаго сланца и рябинника, тоже и жителей никого не имеет; а коренья имеются: сарана (царские кудри, или Мартагон — вид рода Лилия. — *В.М.*), упива, миту, кутаж, черемша и сладкая трава (сладкая трава — это, скорее всего, борщевик. — *В. М.*); да около его зверей: бобров, нерп и лисиц красных имеется ж, только не весьма довольно; а кругом того острова по обеим его сторонам ключей немало, а для судов гаваней и байдарных пристойных пристаней не имеется» или «Бухт песчаных небольших имеется до шести на северной стороне и одна — посередь острова, на восточной; а по прочим местам и по обеим сторонам берега, бухты и пристани байдарныя, каменистыя» [Русские экспедиции..., 1989, с. 133–134]. Это связано с отсутствием физико-географической специфики, характерной для какого-либо из указанных островов, но в то же время имевших экономический потенциал, использование которого могло быть выгодным в плане хозяйственного освоения и закрепления России на новых территориях Дальнего Востока. Таким образом, один из пунктов инструкции экспедицией был выполнен.

Показательно, что по отношению к некоторым природным характеристикам новых территорий в «Журнале или записке...» используются айнские оронимы: «На острове состоит три сопки: 1-я по курильскому названию Асырминтар, а по переводу — Прежде горела — состоит на самой лопатке ко 2 острову; подле оной имеются небольшие сопки ж и хребты; вокруг же той лопатки имеются утесы и горы превысокие, где плодится птица глупыш и ары. Берег каменистый при той лопатке и к восточной ея стороне, на самом проливе отпрядный камень, что называется кекур, на котором потому ж плодится птица глупыш и топорки, но не весьма довольно. 2-я сопка званием Амка-усыр, состоит на средине острова, которая наперед сего горела ж; возле сопки имеется озеро в длину на 4 и в ширину на 2 версты, безрыбное. Третья сопка близ лопатки к 6 острову, состоит посреди озера и называется от того Тао-русыр, против вышеписанных двух более. Вокруг

озера разстояния верст на 12 и более, в ширину на 2, а местами более и менее, и в нем, как и в первом, рыбы не имеется. Подножие сопки — камень-утес» [Русские экспедиции, 1989..., с. 134]. Использование местного наречия по отношению к сопкам как форме рельефа, в данном случае — вулканического происхождения, отличной от тех, что прежде мог видеть И. Чёрный, закрепляет образ «инаковости» осваиваемой территории, её принципиальное отличие от территорий России.

«Журнал или записка...» также даёт нам первое зафиксированное в русских источниках свидетельство извержения вулкана Сарычева на о. Матуа. Но непосредственным наблюдателем произошедшего извержения И. Чёрный не был. Об извержении он узнал из свидетельств айнов о. Матуа, сообщивших, что «На нем сопка, коя, по объявлению курильцов, в недавних годах преужасно горела, причем по всему острову разметало камня так, что и летающих птиц во многом числе оными убивало; на подножии сопки горы и камня...», — написал он в своем дневнике [Русские экспедиции..., 1989, с. 135]. Масштабность и последствия этого события Чёрный отметил и при описании соседнего о. Топорковый: «И островок выгорел и потому, как и на большом, по нем разметало камня; зверей на нем никаких не имеется» [Русские экспедиции..., 1989, с. 136]. Несмотря на произведенное впечатление, автор документа также был немало удивлен тем, что на острове по-прежнему проживали люди: «до 1770 г. на 12-м острове оставалось на постоянном жительстве 200 человек обоого пола сошлых со 2-го острова (о. Парамушир — *В.М.*)». Негативно окрашенные эмоции Ивана Чёрного сглаживаются описанием произраставшего на острове растения, идентифицировать которое представляется маловозможным, поскольку автор документа вполне мог по-своему интерпретировать услышанное, что вполне характерно для его времени: «особая пучка, какой в Камчатке нет, наподобие сладкой травы, но лист на ней круглый, более, чем на сладкой траве, а ствол с одной стороны раздвоился. Пучку жители употребляют в пищу и, по объявлению курильцов, ея довольно по всем островам, обитаемым мохнатыми» [Русские экспедиции..., 1989, с. 135–136].

Далее в ходе посещения о-ов Расагу и Усасыр (о-ва Расшуа и Ушишир. — *В.М.*) Иван Чёрный часть информации, относящейся к взаимодействию с местными айнами, не представил в журнале. По мнению А. С. Полонского, основанному на доступных в его время иных источниках об экспедиции, И. Чёрный так поступил намеренно, с тем чтобы скрыть нарушение данной ему инструкции. Он встретил «сошлых» айнов, но из-за их многочисленности побоялся вернуть их на Северные Курилы. Этому способствовало и то, что Чёрный смог получить ясак и найти переводчиков и проводников, которые помогли бы ему наладить взаимоотношения с «мохнатыми курильцами» [Полонский, 1871, с. 413]. К сожалению, для айнов, которые согласились отправиться на Южные Курилы вместе с Иваном Чёрным, настали тяжёлые времена. Имеются свидетельства жёсткого обращения с ними со стороны И. Чёрного. А. С. Полонский пишет, что «...когда Черный остановился зимовать на 16-м о. (Симушир. — *В.М.*), тут-то вполне разоблачился его неистовый характер. Сошлые определены им к строению изб и работали, что называется, без отдыха и день и ночь. Провинившиеся наказывались изготовленными нарочно плетями, смотря по проступкам, одни жильными, другие ременными. Не видя послушания, Чёрный стал строго обращаться и с сошлыми» [Полонский, 1871, с. 413–414]. Иными словами, поведение Чёрного не позволило «...по сыске где сошлых, принимать их с ласкою, с обнадеживанием, что их вина прощена будет» [Полонский, 1871, с. 411]. Отношение Ивана Чёрного показывает, что бежавшие от уплаты ясака айны воспринимаются как преступники, которых следует вернуть обратно, но методы, использовавшиеся при этом сотником, противоречили официальной линии. Данную ситуацию представляется возможным интерпретировать с точки зрения личностных качеств И. Чёрного. С одной стороны, он действует в духе типичной для его времени практики — берет в аманаты (форма заложничества. — *В.М.*) фактически всё

подчинённое инородческое население о-ов Расшуа, Ушишира и Симушира, не отправляя при этом заложников в Большерецк, что он, будучи наделен официальными полномочиями, должен был бы сделать по собственной инициативе [Вульпиус, 2023, с. 98–99, 101]. С другой стороны, жестокость по отношению к айнам могла быть вызвана качествами его личности. Об этом эпизоде стало известно российским властям, вызвавшим сотника для объяснений в Иркутск, где он в 1771 г. умер во время разыгравшейся эпидемии чумы.

Помимо прочего, в «Журнале или записке...» затронута мировоззренческая составляющая жизни айнов. В частности, представляет интерес описание обычая айнов о. Ушишир задабривать духов горячих ключей, что, несомненно, указывает на формирование этнокультурного стереотипа. «Одному из ключей... бывающие там сошлые и тамошние мохнатые курильцы, когда жительство имеют, приносят по своему обычаю жертву и мечут в тот ключ камня и сделанные нарочно в запас из таловаго дерева стружки (имеются в виду “инау” — ритуальные предметы в виде пучка стружек, заструженных палочек или довольно крупных жердей. — *В.М.*) со своими клеймами, наговаривая всякий для себя, что кому прилично, призывая дьявола, причем чинят и шаманство — и оному обучаются таким образом: по край того кипящаго ключа настилают доски и надевают на себя новую парку птичью, или азам шитый и потом тот, кто сие действует, ляжет к ночи на те доски, на которыхы выплывают из ключа чрезвычайной величины черви косматые и поползут на человека и ползают по нем по всему; те черви подобны мухам и наводят великий страх, так что человек в безчувствии приходит; и так если, как курильцы объявляют, кто не устрасится сего действия по три ночи, тому якоб и диавол во всем служить станет, и он великий будет волшебник», — отмечает Чёрный [Русские экспедиции..., 1989, с. 136–137]. На этом примере наблюдаем, как для восприятия большое значение имел личный опыт русского православного человека, для которого ритуал камлания шаманов не имеет силы, но для айнов, как и других сибирских народов, шаманизм являлся традиционной формой мировоззрения, в рамках которой шаман не только был посредником между людьми и богами, но и жрецом, провидцем, сказителем, певцом и лекарем [Островский, Сем, 2019, с. 77–78].

2 июня 1768 г. И. Чёрный прибыл на о. Уруп. В своём журнале сотник вновь прибегает к языку айнов, описывая увиденное. Так, «18-й остров по курильскому названию Уруп, по переводу значит, что, в состоящем посредине острова на северной стороне озера, называемом Топо, имеется рыба красная» [Русские экспедиции..., 1989, с. 138]. Данная особенность, по всей видимости, является свидетельством того, что полное осмысление увиденного Иваном Чёрным — первозданная природа, «первобытная» культура айнов — не вполне укладывалось в привычную для него картину мира и лексику. Видимо, поэтому в описании островов он прибегал к помощи языка айнов. Впервые здесь упоминается широко распространённая на Дальнем Востоке рыба семейства лососевых. Несмотря на то, что в журнале экспедиции нет прямых упоминаний «камуйчеп» — красной рыбы, культ которой был распространён у айнов [Осипова, 2018, с. 91, 97], — представляется возможным предположить, что заметка Чёрного о том, что в этих краях водится промысловая рыба, появилась потому, что именно здесь он впервые об этом услышал.

11 июня 1768 г. отряд достиг о. Итуруп. Здесь экспедиция впервые увидела поселение айнов. Отсюда — пространное описание образа жизни местного населения, устройство социума, властные отношения. Например: «На северной стороне острова имеется пристань байдарная, называемая по-курильски Камуи-вамкуин потому, что в ней имеется ключ кислой и вонючей воды (минеральная вода с уникальным составом, в настоящее время широко применяется при лечении. — *В.М.*), которую и пить невозможно, но курильцы употребляют ее в питье вместо вина, и жертву по своему обычаю ей приносят. От той пристани вперед, разстоянием верст 10, речка по курильскому

званию Нинепет, потому что тут бухта дресвяная, где и жительство мохнатых, да другая речка, павшая из озера Кимуято, и при ней бухта же песчаная, а живет тут лучший князец Цетаокайкукамуиниами с родниками; версты 3 от той реки на высоком месте, на горе, жилище детей бывшего князца Каткураасиму; место называется Хамарая, потому что близ берега стоит кекур. От того жилища верст, например, в 20 бухта песчаная, называемая Соткия, потому что прямо губы в море удят рыбу треску, рямжу и палтуса; при той бухте есть речка небольшая и при ней жительство князца Томимахкур. Отсюда вперед верст 8 небольшая речка Поронет и при ней жительство князца Нижкуракут» [Русские экспедиции..., 1989, с. 139].

Именно на Итурупе И. Чёрный смог выполнить ряд данных ему инструкций, а именно — определить уровень хозяйственного развития жителей и их торгово-экономические связи с японцами: «Имеют-де они на 18-м острове ловлю морских бобров в летнее время гоньбою, и с упрощенными бобрами в другое лето перегребают в байдарах на 20-й остров Кунасыр и даже до 22, Аткаса (Аккэси — северо-восток Хоккайдо. — *В.М.*), куда приходят два судна японския; а ныне, в недавних годах, и на 20-й остров стало одно судно японское ходить. Суда против российских промышленных, кои они видали, не весьма велики; а на судне у них людей бывает человек по 16 рабочих, да, кроме их, первый, главный над всем, хозяин судна, или командир, называемый тоно, по нем другой — тонтойно, третий — шендо (штурман), четвертый толмач — тунчи и того 20 человек, а на иных судах бывает людей и более. Живут японцы на тех островах судами месяца по два и ожидают мохнатых курильцов с разных островов, и когда по приходе их поторгуются, тогда и отходят обратно; а покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп черных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамеи серебрянные и зеленой меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры; а из других зверей никаких не покупают, и для того курильцы, кроме бобров и хвостов орловых, никаких больше зверей и не промышляют» [Русские экспедиции..., 1989, с. 140]. Иными словами, экономика айнов предстает как присваивающая с характерной меновой торговлей с японцами, а сами айны — в качестве переводчиков и информантов, возможных посредников в будущих отношениях между Россией и Японией.

Фактически о-ва Итуруп и Кунашир И. Чёрным были восприняты как потенциальные территории Российского государства, поскольку их население было приведено в подданство. В. В. Щепкин указывает, что Иван Чёрный при посещении Итурупа встречался в том числе и с айнами Кунашира, и известно, что он «получил здесь довольно японских вещей», а также привёл в подданство всех «мохнатых» 19-го о., в том числе «двух князцов и кроме того двух приезжих с 20-го острова» (Кунашира. — *В.М.*) [Щепкин, 2017, с. 124; Полонский, 1871, с. 414].

Несмотря на то, что многие цели экспедиции были достигнуты, нельзя сказать, что она в полной мере способствовала формированию положительного образа Курил и их населения в восприятии русских, поскольку сотник Чёрный рядом своих агрессивных действий нивелировал достигнутое. Так, например, на обратном пути произошёл инцидент на о. Уруп, где члены русского отряда, вопреки данному айнам обещанию не нарушать их традиции охоты, стали добывать каланов. Также имела место демонстративная жестокость по отношению к айнам. Всё это настроило местное население не только против Ивана Чёрного, но и русских в целом. В дальнейшем подобное поведение стало причиной вооруженных конфликтов между русскими промышленниками и айнами средних и южных Курильских островов в 1770–1772 гг. [Щепкин, 2022, с. 67; Полонский, 1871, с. 416–417].

Оценивая трехлетний поход сотника Ивана Чёрного, с мая 1766 по сентябрь 1769 г., следует отметить, что в результате был сформирован образ Курильских островов как неосвоенной территории, но в то же время перспективной с экономической точки зрения. При этом местное

население — курильские айны — предстаёт, несмотря на отсутствие у него цивилизации в понимании XVIII в., а потому не заслуживающее «достойного обхождения», в качестве возможных посредников между Россией и Японией.

Литература / References

Алексеев А. И. *Сыны отважные России*. Магадан, 1970 [Aleksyeyev A. I. *Brave sons of Russia*. Magadan, 1970 (in Russian)].

Вульпиус Р. В. *Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке*. М., 2023 [Vulpus R. V. *The Birth of the Russian Empire: Concepts and Practices of Domination in the 18th Century*. Moscow, 2023 (in Russian)].

Елизарьев В. Н. *Подлинная история Курильских островов и Сахалина XVII–XX вв.* М., 2007 [Elizariyev V. N. *True History of the Kuril Islands and Sakhalin in the 18th-19th Centuries*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Лебедев Д. М. *Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.)*. М., 1957 [Lebedev D. M. *Studies on the History of Geography in Russia in the 18th Century (1725–1800)*. Moscow, 1957 (in Russian)].

Осипова М. В. Лососевые в жизненном и мифоритуальном пространстве айнов Сахалина, Курил и Хоккайдо. *Россия и АТР*. 2018. № 4. С. 91–108 [Osipova M. V. Salmon in Vital and Mythological Spaces of the Kuril, Sakhalin and Hokkaido Ainu. *Russia and the Asia-Pacific region*. 2018. No. 4. Pp. 91–108 (in Russian)].

Островский А. Б., Сем Т. Ю. *Коды коммуникации с богами (Мифология и ритуальная пластика айнов)*. СПб., 2019 [Ostrovsky A. B., Sem T. Yu. *Codes of Communication with the Gods (Mythology and Ritual Plasticity of the Ainu)*. Saint Petersburg, 2019 (in Russian)].

Полонский А. С. Курилы. *Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии*. 1871. Т. 4. С. 369–576 [Polonskii A. S. Kuril Islands. *Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society in the Department of Ethnography*. 1871. Vol. 4. Pp. 369–576 (in Russian)].

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сборник документов. М., 1984 [Russian Expeditions to Explore Northern Pacific in the First Half of 18th Century. *Collection of Documents*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сборник документов. М., 1989 [Russian Expeditions to Explore Northern Pacific in the Second Half of 18th Century. *Collection of Documents*. Moscow, 1989 (in Russian)].

Соколов А. М. Курильская коллекция № 820 в собраниях МАЭ РАН. *Четыре века экспедиций в земли айнов*. СПб., 2022. С. 43–84 [Sokolov A. M. Kuril Collection Number 820 in the Repository of the Russian Academy of Science's Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. *Four Centuries of Expeditions into the Ainu Lands*. Saint Petersburg, 2022. Pp. 43–84 (in Russian)].

Файнберг Э. Я. *Русско-японские отношения в 1697–1875 гг.* М., 1960 [Feinberg E. Ya. *Russian-Japanese Relations in 1697–1875*. Moscow, 1960 (in Russian)].

Щепкин В. В. *Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII в.* М., 2017 [Shchepkin V. V. *Northern wind: Russia and Ainu in 18th century Japan*. Moscow, 2017 (in Russian)].

Щепкин В. В. *Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А. В. Григорьева*. СПб., 2022 [Shchepkin V. V. *Ainu Through the Eyes of Japanese: An Unknown Collection by A. V. Grigoriev*. Saint Petersburg, 2022 (in Russian)].